

блюдать. На третьем этапе, при переводе этих лексем на корейский язык, приходим к ранее упоминаемым: *구경하다, 관람하다, 보다*. Сверка с материалом толковых [1] и переводных словарей русского и корейского языков подтверждает возможность всех полученных глаголов выражать общую сему «воспринимать», а следовательно подтверждает и их принадлежность к исследуемой ЛСГ.

Таким образом, способ трехступенчатого русско-корейского и корейско-русского перевода позволяет установить расширенный список способов представления семантики восприятия в составе ЛСГ глаголов. Полученные результаты отражают различия ЛСГ глаголов восприятия в русском и корейском языках, что еще раз подтверждает мысль об уникальности отражения реалий внешнего мира в каждом национальном языке.

Литература

1. Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян [и др.]. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 910 с.
2. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – М. : Высш. шк., 1981. – 184 с.
3. Корейско-русский учебный словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://krdict.korean.go.kr/rus/>. – Дата доступа: 29.04.2017.

Сравнительный анализ проявления «конфронтационного копинга» и «дистанцирования» у студентов занимающихся и не занимающихся волонтерской деятельностью

*Гринько В. А., студ. IV к. БарГУ,
науч. рук. Кишея И. Л.*

В современных социально-экономических условиях волонтерская деятельность становится востребованной среди студенческой молодежи, давая возможность проявлять социальную активность и быть вовлеченными в общественную жизнь [1, с. 68].

Деятельность студентов-волонтеров осуществляется в условиях умственного, психоэмоционального и физического напряжения. Неумение управлять своим поведением, находить оптимальный выход из трудных ситуаций может привести к дезадаптации личности, эмоциональной холодности и отчужденности. Именно поэтому все большее внимание уделяется анализу поведения человека в сложных ситуациях [2, с. 5].

Целью данного исследования явился сравнительный анализ особенностей проявления «конфронтационного копинга» и «дистанцирования» у

студентов занимающихся и не занимающихся волонтерской деятельностью. Эмпирическое исследование проводилось на базе УО «Барановичский государственный университет». Выборка испытуемых составила 100 студентов педагогических специальностей: 50 студентов, занимающихся волонтерской деятельностью, и 50 респондентов – не занимающихся волонтерской деятельностью. Для достижения цели был использован опросник Р. Лазаруса «Копинг-стратегии». Методика предназначена для определения способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности, копинг-стратегий.

Рассмотрим полученные результаты. В ходе изучения стратегии «конфронтационный копинг» обнаружено, что низкий уровень проявления у студентов, занимающихся волонтерской деятельностью, составил 34%, а у студентов, не занимающихся волонтерской деятельностью, – 22%. Это связано с тем, что студенты, занимающиеся волонтерской деятельностью, более предприимчивы при разрешении проблемных ситуаций, по сравнению со студентами, не занимающиеся волонтерской деятельностью. Средний уровень у студентов, которые занимаются волонтерской деятельностью, составил 58%, а у студентов, которые не занимаются волонтерской деятельностью, – 64%. Такие результаты свидетельствуют о том, что в поведении студентов, не занимающиеся волонтерской деятельностью, могут наблюдаться импульсивность, враждебность, а также трудности в планировании действий, нежели у студентов, занимающихся волонтерской деятельностью. Высокий уровень конфронтационного копинга выявлен у 8% студентов, которые занимаются волонтерской деятельностью и у 14% студентов, которые не занимаются волонтерской деятельностью. Это связано с тем, что у студентов, не занимающихся волонтерской деятельностью, в большей мере выражены недостаточная целенаправленность и рациональная обоснованность поведения в проблемных ситуациях, чем у студентов, занимающихся волонтерской деятельностью.

В ходе выявления стратегии «дистанцирование» обнаружено, что низкий уровень проявления данной стратегии у студентов, занимающихся волонтерской деятельностью, составил 52%, а у студентов, не занимающихся волонтерской деятельностью, – 16%. Это говорит о том, что студенты, занимающиеся волонтерской деятельностью, стараются найти различные выходы из той или иной проблемной ситуации, но никак не обесценивать ее, чего нельзя сказать о студентах, не занимающихся волонтерской деятельностью. Средний уровень выражен у 44% студентов, занимающихся волонтерской деятельностью, и у 74% студентов, которые не занимаются волонтерской деятельностью. Такие показатели свидетельствуют о том, что у студентов, не занимающихся волонтерской деятельностью, по сравнению со студентами, которые ей занимаются, могут наблюдаться обесценивание собственных

переживаний, а также недооценка значимости действенного преодоления проблемных ситуаций. Высокий уровень стратегии дистанцирования у студентов, занимающихся волонтерской деятельностью, составил 8%, а у студентов, не занимающихся волонтерской деятельностью, – 14%. Это связано с тем, что у студентов, которые не занимаются волонтерской деятельностью, снижена эмоциональная вовлеченность в ту или иную проблемную ситуацию, по сравнению со студентами, которые занимаются волонтерской деятельностью.

Таким образом, по результатам исследования выявлено, что студенты, занимающиеся волонтерской деятельностью, более инициативны при разрешении проблемных ситуаций, стараются найти разнообразные выходы из них, но никак не обесценивать. А для поведения студентов, которые не занимаются волонтерской деятельностью, характерны такие качества как, импульсивность, враждебность, а также трудности в планировании действий.

Литература

1. Богданова, Е. В. Волонтерство / Е. В. Богданова // Социокинетика : лидерство в детском движении: время и ценности / сост. и ред. Т. В. Трухачева, А. Г. Кирпичник. – М., 2004. – С. 67–72.

2. Анцыферова, Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 3–6.

Гидронимы Южной Кореи

*Дроздовская К. С., студ. III к. БГУ,
науч. рук. проф. Руденко Е. Н., д-р филол. наук*

Географические названия – это неотъемлемая часть современной цивилизации. Они представляют собой уникальную среду, своеобразную визитную карточку, с которой начинается знакомство со страной, городом или природным объектом. Совокупность собственных географических имен какой-либо страны или местности называют топонимией этой территории [1].

С точки зрения лингвистики, топонимы представляют собой целый пласт языка и отражают историю его становления и развития [2]. Погружаясь в изучение топонимов определенной страны, можно многое узнать об особенностях ее культурно-исторического и политического развития, а также о языковых и национально-культурных особенностях народа как носителей языка.

Если говорить об корейской топонимии, то у нее есть свои характерные черты. Во-первых, в Корею одновременно существуют исконно корейские географические названия и топонимы, записанные китайскими иероглифа-